

Опыт группового переживания коллективных травм

Господи, упокой души усопших рабов Твоих в
месте светле, в месте злачне, в месте покойне.
Последование мертвенное

– Вот умрет Толстой, все к черту пойдет! –
говорил он [Чехов] не раз.
– Литература?
– И литература.
Воспоминания Бунина о Чехове. 1914 год

Мертвые тени

В моем советском детстве у меня была азбука, в которой на первом развороте с одной стороны хитро прищуривался лысый и немолодой человек, а с другой были написаны вразброс странные и непонятные слова: «Ленин – жил. Ленин – жив. Ленин – будет жить». Взрослые не могли дать какого-либо объяснения, что же это все означает. Загадочная надпись превратилась для меня в книжный орнамент, а безответный вопрос глубоко проник в детскую душу, повлияв на формирование советской идентичности.

Вскоре моя судьба сделала очередной виток, и вот уже больше четырех лет я работаю в непосредственной близости от Красной площади, постоянно пребывая вблизи неупокоенного мертвого остатка тела того, кто жил, живет и будет жить. Гранитный куб, символ вечности, воплощенный гениальным зодчим храмов Щусевым, стал гробницей в форме главной государственной трибуны. Да, мавзолей Ленина – неведомый ранее для истории архитектуры тип здания, символ советской идентичности. Пугающий образ советской коллективной идеи, одна часть которой сообщает о невозможности пережить утрату, пережить травму, похоронить старое, другая же требует принимать, стоя на этой основе, многочисленные парады – пышные символы гордыни без тени сомнения. Забальзамированной мумии не грозят ни изменения, ни упокоение. Кажется, что единственное разрешенное действие – принесение бесконечных жертв мертвой идее и мертвому телу, которым предписано жить вечно. Только теперь я начинаю понимать страшный смысл мантры, заботливо прописанной мне еще на заре моего жизненного пути. Неужели и правда мы навечно обречены находиться под незримой властью теней неупокоенных мертвых предков?

Коллективные процессы и коллективные травмы

Какие же коллективные процессы происходят сейчас в России, какие не пережитые до конца коллективные травмы они обнажают? Находясь в России, осознать это практически невозможно. Мне было очень болезненно прикасаться к темам коллективных процессов в российском обществе, в основном по отношению к острому конфликтному состоянию за юго-западной границей Российской Федерации. Только на майской конференции в Потсдаме, посвященной украинско-русско-немецкому взаимопониманию и нашей общей истории, я смог приблизиться к осознанному переживанию этих процессов и начать понимать травмы, которые за ними стоят.

На третью ночь в Потсдаме мне приснился сон. Я нахожусь на Красной площади, стоит теплый солнечный день. На площади устроена инсталляция какого-то современного художника. Все пространство занимают стройные ряды человеческих ног в красных ботинках. Ноги примерно одного размера, на каждую нанесен QR-код, перейдя по нему,

можно узнать истории жертв советской власти. Инсталляция называется «Больше никаких парадов. No more parades». Сон – иллюстрация состояний, в которых я пребывал на конференции при погружении в личные и коллективные истории участников. Для массовых действий не нужна голова, главное шагать всем вместе, а куда и зачем – это уже не важно. Похоже, моя психика, создав яркий образ «остановки бессмысленного процесса», так отреагировала на работу с травмирующими коллективными и индивидуальными темами. Действительно, в какой-то момент очень важно остановиться, как это произошло в сказке Андерсена «Красные башмачки». Девочка, которая искала свою идентичность через внешнее, игнорируя внутренние процессы, попала в ловушку собственной Тени и, захваченная ей, смогла остановиться, принеся в жертву ноги в приросших к коже красных башмачках.

Юнга спрашивали, почему Тень проявляется в таких деструктивных формах. Ответ в том, что, отвергая Бога, мы можем найти его там, где менее всего ожидали – в Тени (в качестве Дьявола). Героине сказки для спасения души необходимо отрубить ноги в красных башмачках и покаяться. Награда за это – вновь открытый путь к Богу, к Самости.

Многочисленные жертвы уже принесены, XX век в изобилии представил нам и палачей, и жертв, для полного исцеления коллективной души осталось только покаяться. Без такого покаяния мы не сможем остановиться и будем дальше маршировать в красных башмачках с красными знаменами. Вместо того чтобы теплыми слезами оплакать жертвы, мы будем бездумно бравировать на парадах и трясти оружием, недвусмысленно заявляя о своей внутренней неиссякаемой потребности использовать его.

Одна из важнейших тем моей группы в Потсдаме – обсуждение возможности удерживать одновременно две полярности для преодоления кризиса, вызванного переживанием коллективных травм. В нас одновременно живут и добро, и зло. Надо находить в себе силы принимать свою злую, агрессивную часть, которая может разрушать, и уметь развивать добрую, созидательную часть.

Я и сейчас с ужасом вспоминаю, как участник группы всерьез сказал, что убил бы меня в случае военных действий только из-за моей национальной идентичности. Можно сказать, я впервые приблизился к осознанию столь легко возможной смерти по желанию человека, находящегося в плену идеи о самоидентификации. Для того чтобы стать сильным, необходимо обрести идентичность, мы все проходим этап обретения национальной идентичности, осознания принадлежности к определенному этносу. Такое осознание есть великое благо, ибо в нем мы можем более гармонично существовать в социуме, с которым отождествляем себя, можем обрести силу и наследство предков. Однако оно же заставляет настороженно или враждебно относиться к ценностям иных этносов, ибо они ставят под угрозу только что обретенную идентичность.

Но для развития идентичность необходимо пересматривать. Вполне возможно, что на очередном этапе такого пересмотра нации увидят себя не как противоборствующие племена, а как братья-земляне, у которых одна судьба, один на всех дом, и поэтому все мы должны уметь договариваться жить в сотрудничестве и мире на этой планете.

Нам всем необходимо удерживать две полярности: принадлежность к определенному этносу и понимание того, что этнос – только часть большого сообщества. Именно в процессе групповой работы в Потсдаме я впервые пережил опыт встречи с европейцами на основе нашей амбивалентной человечности и печали по жертвам проявления человеческого в нас. Верю, что благодаря несокрушимому человеческому духу однажды мы сможем осознать себя землянами и взаимная любовь к Земле всех нас объединит.

Сейчас мы наблюдаем сложный и болезненный процесс изменений, которые в итоге должны привести российское общество к исцелению от прежних травм. Вероятно, именно сейчас формируются новые духовные идеи, но, как мы знаем, в отношении духовных вопросов

отсутствуют политические решения. Поэтому именно нам, индивидуальным носителям духа, необходимо формулировать духовные идеи для исцеления России.

Российская империя на последнем этапе жизни была мирным домом для более чем 100 народов, не считая совсем небольших этнических групп. При этом она была не самым большим государством на планете. По сути, проект «Россия» являлся прообразом будущей жизни на Земле, когда не будет условных разделений на государства. Россия воплотила в себе этот образ локально, только на своей территории. Возможно, именно благодаря этому в России так ярко проявились идеи космизма Циолковского, мечты Бакунина и Кропоткина о гармоничном существовании людей, которым не нужно государство, учение Вернадского о ноосфере – новом поле Земли, творении разума человечества. Русские философы значительно опередили свое время, да и наше время не дотягивает до реализации идей этих великих людей. Сегодня в России живут также около 100 больших групп народов, и хотелось бы верить, что они могут жить в мире и любви.

Исцеление травмы

Для исцеления травмы требуется пережить непрожитое. В своей книге «Внутренний мир травмы» американский психоаналитик Дональд Калшед писал: «Для нашей общей борьбы по преодолению последствий травмы немаловажным представляется помнить, что травма вызывается не только внешними событиями. Психика переводит внешнюю травму в самотравмирующую внутреннюю “силу”, которая сперва является защитной, но в конце концов превращается в саморазрушающую. Когда архетипические защиты берут верх над травмированной психикой, их благие поначалу “усилия” предохранить неразрушимый личностный дух превращают их из “системы самосохранения” в “систему самоуничтожения”». – ссылки не будет? Корр. [Дональд Калшед. Внутренний мир травмы. Издательства: Деловая книга, Академический проект, 2001 г. с.10]

Я был невероятно счастлив, что в групповых процессах на конференции смог пережить огромный пласт чувств, которые до этого неосознанно подавлял в России, поскольку переживать их здесь очень болезненно. Находясь в Москве, я просто эмоционально отключался от самых ранимых тем. Но для души важно переживать и такие тяжелые состояния. Переживание травмы дарит возможность исцеления от травматического сценария, который, благодаря природному свойству души восстанавливает целостность, раз за разом притягивает травматические ситуации.

В этой связи я думаю о непережитых душевных ранах российского общества, о том, как много у нас сейчас вытеснено в Тень. Благодаря Потсдаму я ощутил силу и мощь психического содержания, скрытого в подавленных чувствах, эмоциях, переживаниях.

XX век был щедрым на чудовищные травмы. Одному богу известно, сколько теперь должно пройти времени и какую работу надо провести российскому обществу для восстановления своей психической целостности, в которой найдется место, дом для каждой из потерянных частей коллективной души.

Юнгианский аналитик, профессор университета Тель-Авива Генри Абрамович хорошо говорил про дом, о том, как важно, чтобы умершие предки обрели его. Евреи всегда с особым уважением относились к главному переходу в бытии человека – в мир после жизни, в «мир грядущий».

Важность смерти подчеркивается и в Священном Писании: «Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти – дня рождения» (Еккл., 7:1). Наряду с этим в европейском фольклоре сохранилось представление о том, что неправильно похороненный человек, как и умерший «плохой» смертью, становится не знающим покоя злым духом. Именно такими я увидел души жертв ленинских, сталинских, нацистских и прочих преступлений – злыми духами,

летающими над бескрайними просторами России и требующими новой крови. Им нужны жертвы, с очередной трагедией у них появится шанс быть оплаканными и упокоенными вместе с новыми жертвами. А что нужно нам? Думаю, нам необходимо, чтобы коллективная травма наконец-таки была пережита, излечена, а голодные злые духи обрели покой и стали добрыми предками-хранителями.

В Книге Иова кладбище называется «дом собрания всех живущих» (Иов, 30:23). Такой вот интересный аспект единения с предками, которые навсегда остаются со всеми поколениями народа, живыми и мертвыми, – в гармоничном обществе об умерших помнят.

Запрет на проживание травмы

Вытесненные из коллективного сознания психические процессы, связанные с травмами XX века, во многом связаны с неуспокоенными предками, бесчеловечно замученными братьями-землянами. Мучителям ставили памятники, называли в их честь города и улицы, а о жертвах предпочитали побыстрее забыть. Так устроена индивидуальная психика: травматические защиты отличаются высокой сопротивляемостью к изменениям, вероятно, можно говорить о таких защитах и на уровне коллективной психики социума. В российском массовом сознании отсутствует опыт исцеляющего переживания ужасов XX века, складывается ощущение запрета этой темы. Непрожитые до конца мифы требуют развязки, психика стремится воплотить эту развязку, какой бы трагической она ни была. От нас, психоаналитиков, во многом зависит поиск способов снятия травматических защит для исцеления коллективной травмы без ее повторения.

Ресурсы для исцеления: коллективные обряды и символы. Отпевание – обряд для живых

Конференция в Потсдаме много дала мне для осознания и переживания коллективных процессов в России, Европе и понимания возможных путей развития нашего взаимодействия. Групповая поддержка и динамика обладают большой целительной силой.

Русская православная церковь веками бережно хранила древние обряды прощания с усопшими. Само слово «усопший» говорит об особом отношении к покойному: он уснул, но скоро проснется для жизни вечной. Главным обрядом прощания было отпевание – заупокойный богослужебный чин. Текст погребальной службы (Последование мёртвенное) содержит следующие прошения: «Упокой Боже рабы Твоя... презирая их вся согрешения. Господи, упокой души усопших рабов Твоих в месте светле, в месте злачне, в месте покойне». Таким образом, усопшие обретали для живых, участвующих в обряде, покой, безотносительно того, как сложился их жизненный путь.

Прощание с усопшим на Руси традиционно происходило очень эмоционально. В 1715 году Петр I предпринял попытку сломить и эту русскую традицию, издав «Указ о вытье», запрещающий на похоронах «выть как ныне, так и впредь». С этого времени наметилось постепенное упрощение погребального обряда.

В процессе церковного отпевания священник читает во всеуслышание «молитву прощальную», в которой испрашивается прощение грехов усопшего. Покойный как бы испрашивает прощение у всех окружающих и получает его. После чтения молитвы провожающие близкие, потушив свечи, обходят гроб и просят прощения у почившего. Примиренный со всеми, он готов к последнему выходу из церкви.

В могилу усопшего полагают лицом, обращенным к востоку. Все провожающие бросают в могилу по горсти земли. Эта древняя традиция восходит, вероятно, к языческим временам и символизирует согласие всех присутствующих с отдаением усопшего матери-земле. Одновременно это обладает сильным воздействием на участников, бросающих землю: в этот момент они соприкасаются с нуминозным, наблюдая переход в загробный мир. Конечно,

степень переживания нуминозного зависит от конкретной личности и глубоко индивидуальна, но групповое переживание, пусть в разной степени, объединяет и способствует формированию новой идентичности каждого участвующего в обряде: теперь они все отпустили умершего и готовы к новой жизни без него.

Часто можно услышать, что человек, которого не было на погребении, не может до конца пережить потерю – он как будто не дал согласие на уход близкого, не смог принять это в целительной групповой энергии. Чин погребения, если он совершается как должно, облегчает скорбь живых, умеряет печаль.

Чувствую, что Россия нуждается в отпевании всех жертв и в сокрушенном покаянии. В шестидесятых польские католические священники написали письмо братьям-немцам: «Прощаем вас, и вы нас простите». С этого письма принято отсчитывать начало примирения немцев и поляков после ужасов Второй мировой. Для меня эти слова воплощают рабочую формулу, которая сможет запустить процесс покаяния и примирения в российском обществе, чудом уцелевшем в ураганах прошлого века. Обряд, необходимый всем нам, – отпевание жертв, чтобы они обрели дом, а наша коллективная психика стала ближе к целостности. Думаю, для общества пришло время получить обратно потерянную в травме психическую энергию и в полном объеме принять все полагающееся нам наследство предков. И новую посттравматическую идентичность, конечно.

Каким будет будущее России, во многом зависит от нас, российских целителей душ человеческих, от того, насколько сможем мы сами удерживать амбивалентность человеческой природы и нашего страшного прошлого и настоящего. Практика группового анализа и опыт известных нам обрядов могут помочь сформулировать идеи и понимание, как объединить усилия для ответа на вызовы нашего воистину великого коллективного бессознательного.